КРОКОДИЛ

№ 28 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

Рис. М. Черемных

У ЛОГОВА ЗВЕРЯ

— Наши идут!

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

Бывший гаулейтер Украины Кох назначен гаулейтером Восточной Пруссии.

Продвижение по служебной лестнице.

Рис. И. Семёнова

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БУЭНОС-АЙРЕС. Здесь стало известно, что в связи с приближением Красной Армии к границам Восточной Пруссии Гиммлер принял чрезвычайные меры: срочно перевел свои капиталы в аргентинские банки.

ТАЛЛИН. Местные жители, глядя на Балтийское море, всё явственней видят круги по воде, образующиеся от местных немецких кругов.

БЕРЛИН. Гитлер приказал в дальнейшем не подавать к столу ни кофе по-варшавски, ни кофе по-турецки.

БУДАПЕШТ. Как передают из авторитетных военных кругов, в последнее время в венгерской армии царят образцовый порядок и дисциплина. Например, стоит лишь какому-нибудь венгерскому офицеру намекнуть о сдаче в плен русским, как венгерские солдаты с необычайным подъёмом выполняют желание своего начальства.

ВАРШАВА. Здесь передают, что, покидая Варшаву, немецкий гаулейтер обнадёживающе заявил: «Не я — первый, не я — последний».

ГАДКАЯ СТАРУШКА

Всегерманский пьяница Лей на днях напечатал статью, в которой доказывает, что бабка полковника Штауффенберга, покушавшегося на Гитлера, «была по национальности англичанкой и большевичкой».

Вот почему на физиономии Гитлера ожоги. Во всём виновата покойная старушка.

Ясно, что сейчас надо тщательно проверить бабушек всех немецких генералов и полковников.

Но удастся ли подавить недовольство в армии — это ещё бабушка надвое сказала...

Клоп в берлоге

ОБСТАНОВКА в фашистской берлоге напоминает сейчас нечто среднее между пожаром в сумасшедшем доме и наводнением в зверинце.

Тут наспех оптом расстреливают фельдмаршалов. Здесь арканами ловят генералов. Сверху сыплются бомбы.

Нетрудно вообразить, что переживает сейчас немецкий обыватель — маленький немецкий клопик, запрятавшийся со своей клопихой и клопятами в какую-нибудь глубокую берлинскую щель.

* * *

— Ты слышала, Эльза?!. Теперь всё ясно! Гиммлер победил. Да здравствует наш великий фюрер, да здравствует единая, монолитная Германия, которая!..

— Скорей вешай фюрера, Карл!

— Тсс! С ума сошла! Не «вешай», а «водружай»!

— Всё равно! Только чтобы он скорей висел! А то заглянут гестаповцы, увидят, что «его» нет на стенке, и водрузят тебя самого.

— Тсс! Как будто опять заговорила какая-то зарубежная радиостанция.

— Она! Слышишь?!

— Слышу! Выброси эту пакость на помойку, Эльза! Не буду я его вешать. Его и без меня повесят!

— Ой, обожди, Карл! Вот опять Гиммлер!..

— Гиммлер?! Да здравствует единая, монолитная Германия, которая!.. Давай скорей фюрера, Эльза!

— На! Вешай!

— Ну, вот, готово! Наконец-то я его, подлеца, то есть это... наконец-то я водрузил нашего обожаемого фюрера!

— Ой, Карл! Ты же его водрузил вниз головой!

— Что ты говоришь?! Действительно, вниз головой! Сейчас исправлю!..

— Знаешь что, Карл? Пусть он так и висит — вниз головой. На всякий случай.

— А если заглянут гестаповцы?

— А если заглянут гестаповцы, мы скажем, что он сам перевернулся во время бомбёжки — от воздушной волны.

* * *

— Амалия, я погиб!

— Что случилось, Фридрих?

— Я встретил на улице генерала Клизменкампфера и поздоровался с ним. Все уличные шпионы видели, что я с ним поздоровался.

— А разве генерал Клизменкампфер... «такой» генерал?

— В том-то и дело, что я не знаю, какой он генерал!

— Я думаю, Фридрих, что тебе нужно на всякий случай сходить в гестапо и сказать, что ты поздоровался с ним нечаянно!

— А вдруг он как раз такой генерал, какой нужно?

— Какой?

— Такой... этакий... Разве теперь угадаешь, какой?

— Беги скорей к доктору Шмерке, пусть он напишет справку, что у тебя после ранения на Востоке голова дёргается... Если генерал Клизменкампфер — «такой» генерал, будем говорить, что у тебя просто голова дёрнулась. А если он такой, какой нужно, то не будем говорить. Вот и всё!

* * *

— Ради бога, доктор, помогите! У моего мальчика чёрная меланхолия с наклонностью к самоубийству.

— Из чего вы это заключаете, сударыня?

— Он вчера сказал, что будет фельдмаршалом, когда вырастет!

* * *

Тревожно и жутко сейчас в клопиных щелях Берлина.

Леонид ЛЕНЧ

В НЕМЕЦКОЙ СЕМЬЕ

Рис. Л. Бродаты

— Почему ты повесил кошку, гадкий мальчишка?

— А мы играли с ней в генералов.

НА УЛИЦАХ ПАРИЖА

Рис. Л. Бродаты

— Вот идёт начальник полиции со своей вдовой.

«Спринтер»

ДЕД Свирид сидит на завалинке. Лицо у него красное, почти багровое. И дышит тяжело: «Гу-гу! Гу!»

На моё «поздоров боже» отвечает так резко, что я сразу назад отступаю.

— Дыхаю,— значит, здоров!

— Больно тяжело дышите.

— Задышишь!

— Что это с вами,— спрашиваю,— господи помилуй, вроде не отдышитесь никак?

— Деда своего вспомянул.

— Жёсткий, видать, дед у вас был,— при одном только воспоминании чуть не задохлись!

— Не жёсткий, а правильный.

— Оттого и не отдышитесь никак, что правильный?

— Правильный, говорю!.. Вожжой стегал.

— Кого?

— Бабу!

— Ничего не понимаю!

— Я, говорит, её худым словом ни разу не обозвал, а с утра пораньше вожжой протяну раз—другой,—в хате и тихо.

— Кто? Кого? Какой вожжой?

— Дед мой. Бабу свою. Ремённой вожжой.

— Ничего не понимаю.

— Ступай, душа, на луга, там враз поймёшь.

— Нет, дидусь, вы сегодня какой-то такой, чи сердитый, чи озабоченный... Вы мне толком скажите. что случилось?

— Не скажу.

— Секрет?

— Такой секрет, что едва ноги унёс!

— От кого?

— От женщин!

— Ну что ж,— отвечаю,— хлопец вы хоть куда, едва восемьдесят девять стукнуло... Ничего не попишешь! Природа своего требует... Что поделаешь, диду, любишь кататься — люби и саночки возить... А что ж вас напугало? Ревность или страсти огонь?

— Мантачка! [1].

— Ну, диду, с вами сегодня поладить трудно!

— А мне, думаете, легко? Псаломщиково глинище знаете?

— Ну знаю!

— Перепрыгнул. Лет пятьдесят так не прыгал.

— Можно ж было обминуть!

— Враз поймали б! Слава тебе, господи, спидница нынче узка пошла. Будь у Ганки широкая спидница, ни за что не удрать бы! Спидница узкая — разлёту мало — не осилила глинища, упала.

— Ганка... Нашли за кем ухаживать?.. Ганка — женщина строгая! Бригадир!

— Да что вы заладили! «Природа требует», «ухаживать»... На лугу были?

— Ну, был!

— Кто косит, видали?

— Видал. Бабы косят.

— Вот то-то и оно-то. Веками косовица — мужское дело! А теперь, глянь, куда повернуло! Женщина с косой в руках. Не только, значит, на голове коса, а и в руках. И при косе — мантачка. Поняли? Ну, пришёл я туда, смех меня разбирает. Драстуйте, говорю, косарики-сударики!

— Драстуйте,— отвечают.

Сел, закурил, гляжу.

— На пятку,— смеюсь,— налягай на пятку!.. Ганна сердито взглянула на меня. А я ей:

— Ежели уж закосила, то и штаны б уже носила!

Эх, тут она как вскипит:

— А ну, девчата, мантачок деду!

— Та, говорю вам, лет с пятьдесят так не бегал. Добро, что луга от огородов недалече...

— Значит, на короткую дистанцию бежали? Спринтер вроде?

— Как говорите?

— Спринтер, говорю. Это когда на короткое расстояние...

— Да, слава те, не на долгое: сразу же за огородами. А-таки не спринтив, удрал!

— Да то они, дедушка, пошутили...

— Какой чорт, косят исправно. Ежели б и мантачок так дали б, как косят — какие шутки? Только вы того.. не говорите никому, засмеют.

— Засмеют — это не беда, а если узнают, что так бегать мастер, враз в футбольную команду заберут. Ну, сперва не форвардом, а что голкипером — уж это беспременно...

— Да... Теперича так... Теперь баба пошла другая, гордая. Её вожжёй не испугаешь. Сильная теперича движения... Внучка моя Яринка, девятнадцатый пошёл, в зенитчицах она! Всё перевернулось.

— Ну, что ж, диду, будь по-вашему. Молчок, так молчок!

— Вы не подумайте, что я этим, гвалткипером, чи как его, не хочу, дезертирую вроде... Не! Надо, так надо! Только ж, сами видите, какая теперь движения. Женщина вся в косарях, а если ещё и меня заберут, с гусятами тормоз Вестингауза получится. Гусята, того и гляди, вылупляться начнут, а зоотехник сказал, что не простое, а массированное пойдёт вылупление. Выпасу вот гусят, тогда можно ещё годок — другой в гвалткиперах побегать... Для народа чего не сделаешь! А пока — молчок!

— Молчу, диду!

...Молчите и вы!

Остап ВИШНЯ

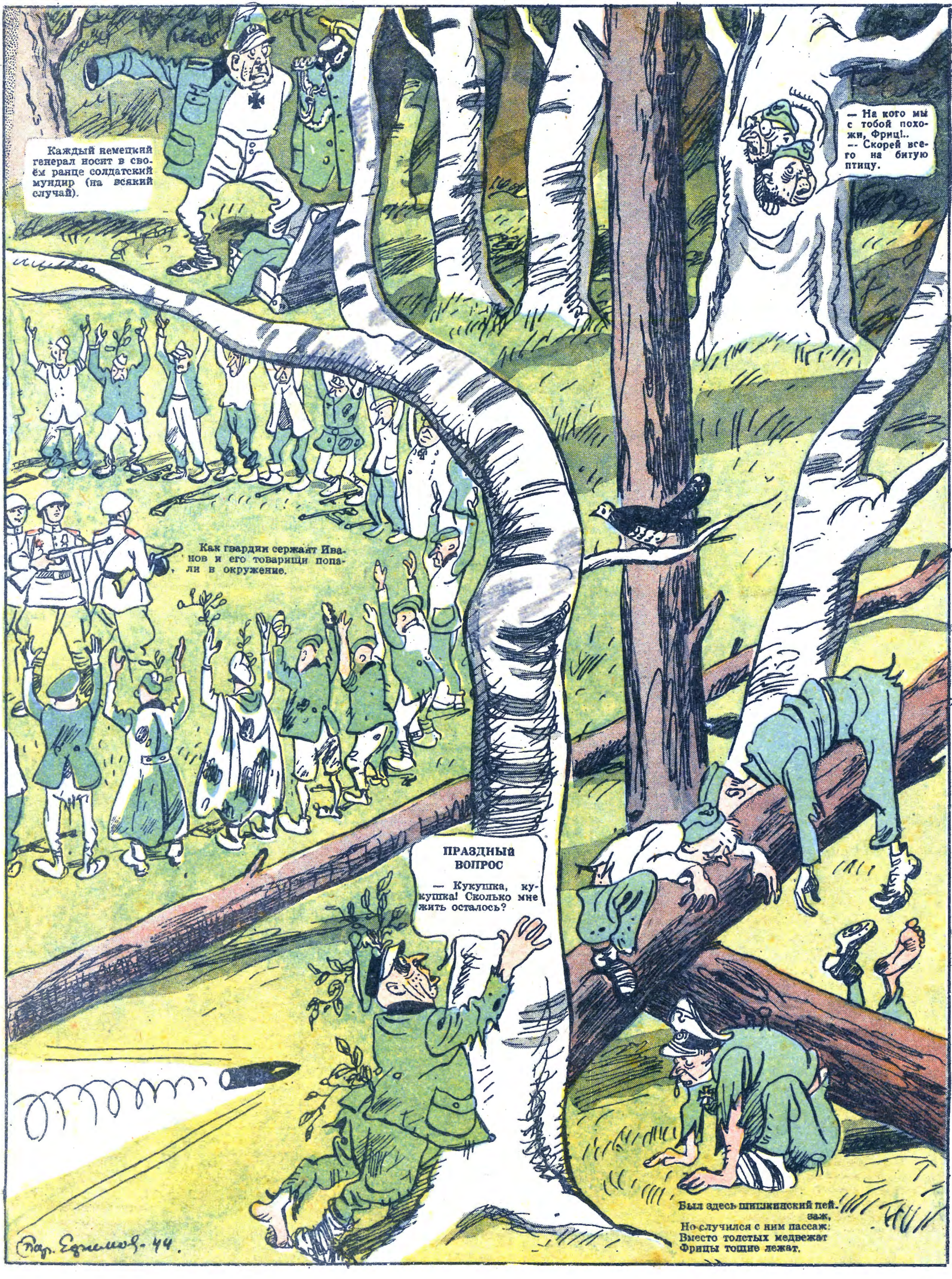
Перевод с украинского Татьяны СТАХ

---

1 Узкая лопата для обточки косы.

ЛЕС ШУМИТ

Рис. Бор. Ефимова

Привидение в старом замке

(Отрывки из немецкого исторического романа)

Глава XII

УТРОМ из Берлина прибыл курьер с запечатанным пакетом.

«Ну, что там ещё?» — подумал Альфред фон Розенберг. Он плохо спал и был дурно настроен. Дела складывались всё хуже и хуже.

В письме был приказ об отмене поста гитлеровского наместника в Прибалтике. Геббельс сделал дружескую приписку: «Дорогой Альфред! Лавочка закрывается. Сматывайте удочки и не откладывайте приезда в Берлин. Иначе не останетесь в Риге и не застанете Берлина. Целую ручку и кланяюсь бабушке. Ваш Гебчик».

— Шут гороховый! — сказал Альфред. Он разорвал письмо и позвонил. — Пригласите управляющего замком, этого старого изменника! — сказал он адъютанту.

Латыш вошёл с неизменно бесстрастным выражением на своём лице.

— Слушайте, вы! — сказал фон Розенберг. — Как вас? Мы уезжаем завтра. Временно. Понимаете, временно. Вы по-немецки понимаете? Временно.

— Понимаю, — сказал латыш. — Временно. Драпен зи гевезен.

— Что такое?

— Я говорю: драпен зи гевезен.

— Вы говорите по-немецки, как я по-русски. Драпен! Нет такого немецкого слова... Ладно. Чтобы всё в замке сохранилось! Вы отвечаете за портреты моих предков.

— Слушаю, — сказал бесстрастно латыш. — Портреты будут в таком же положении, какого и вам желаю.

Альфред фон Розенберг подозрительно покосился:

— Что вы хотите этим сказать, старая крыса?

Латыш пожал плечами:

— Ничего, барон, кроме того, что я желаю вам такой же сохранности, как портретам ваших уважаемых предков. Они очень прочно повешены.

— Хорошо, проваливайте!

Розенберг тяжело опустился в кресло. Он смотрел тупо перед собой.

— Каюк! — прошептал адъютант, закрывая за собой дверь.

Глава XVIII

Свечи тускло мерцали в огромном зале предков. За окном шумел ветер. В камине что-то выло.

Барон фон Розенберг швырнул под стол третью пустую бутылку. Он уже не замечал, что вслух продолжает свой разговор с предками.

— Смотрите на меня, оглядываете,— сказал он хрипло.— Думаете: вот и потомочек. Хорошо-с. Допустим, не вышло у меня. Не выгорело: Ну, а вы? Я вижу, вы, граф, усмехаетесь презрительно. Вы, мол, управляли Ливонией двадцать лет, замок построили... А чем всё это окончилось? Всё равно, по шапке дали. А вы, уважаемый прапрапрапрапрепрадедушка, где вы были во время битвы под Грюнвальдом? На портретах все вы хороши. На портрете я и сам буду хорош.

Потомок отпил из четвёртой бутылки и сказал:

— Вот, объясните мне, предки, почему это у нас с вами ничего не выходит? Начинается как будто и хорошо. И приходим мы, и рассаживаемся, и всем объявляем, что это навечно. А потом, глядь, и спустили нас снова по исторической лестнице. На прошлой неделе я говорил о традициях германского рыцарства в Прибалтике. А традиции, чорт их возьми, таковы, что каждый раз вышибают нас отсюда. И кто же вышибает? Русские. В чём дело? Почему такое? Объясните, предки!

Барон уставился в портрет рыцаря с узкой бородкой, в латах и в плаще, на котором был вышит большой крест:

— Что, смеётесь? Как вы смеете улыбаться? Вы знаете, с кем говорите? Я барон Альфред фон Розенберг, наместник Адольфа Гитлера, король Остланда. А вы кто? Я вас знаю. Вы Вальтер фон Плеттенберг, рождения XV века, магистр Ливонского ордена. Я вас тут из милости повесил. А вы улыбаетесь! Молчать! Я вам покажу, хоть вы и предок! Я вас так повешу, что узнаете...

Барон был плохим стрелком. Бутылка угодила в стену, и только осколки посыпались на плащ барона Вальтера фон Плеттенберга...

Глава XXXI

Часы на башне старого рижского замка пробили полночь. Барон фон Розенберг проснулся словно от толчка. Он услышал, как открылась дверь, услышал тяжёлые шаги, бряцание металла. Он хотел крикнуть, но голос изменил ему. Высокий человек в латах грузно опустился на его кровать. Луч месяца скользнул сквозь занавес и осветил большой белый крест на плаще.

— Барон Вальтер! — сказал Альфред шопотом. — Фон Плеттенберг!

Он сразу вспомнил всё, и хмель вылетел из его головы.

— Извините,— пролепетал он.— Я был пьян и не понимал, что делаю. Не обижайтесь, предок.

Рыцарь сказал:

— Я не обиделся, Альфред. Я понимаю твоё положение. Я был в таком же. Выгнали. Бежал. Я хотел поделиться опытом, подать совет. Знаешь ли ты историю моей жизни?

—Не твёрдо, — признался Альфред. — Кажется, вы были славным магистром Ливонского ордена, совершили много подвигов, побеждали русских... Так?

— Не совсем так, — сказал бывший магистр. — Жаль, что вы, нынешние немцы, не хотите знать историю своего народа. Ваши историки врут во славу фашизма. А вы бы хоть Соловьёва почитали. Он верно про нас написал. Не читали «Историю России» Соловьёва?

— Предок! — строго сказал Альфред. — Если бы вы не были привидением, я вас расстрелял бы в два счёта. Ну, а так... Рассказывайте!

Привидение вздохнуло, свернуло папироску и начало свой рассказ...

Глава XXXII

— Это было давно, мой потомочек,— так начало привидение.— В 1501 году чорт меня попутал, я выступил против Москвы. Конечно, если бы я знал, чем это окончится, сидел бы я в своём Ливонском ордене и грабил потихоньку проезжающих купцов. Но я был молод и самонадеян.

Сначала мне повезло. В 1501 году я даже одержал победу над московским войском. У нас техника была тогда выше. У москвичей не было таких пушек. Бои шли тогда вот там, где теперь у Красной Армии третий Прибалтийский фронт. На том самом месте, к югу от Пскова и приключилось это...

Привидение горестно замолкло.

— Что же приключилось? — спросил потомок.

— А вот что. Начали нас бить. Ударили раз. Ударили два. И вдруг я чувствую, живот у меня болит. Ну, такое стало, что воевать невозможно... Бегу, за живот держусь, ищу такого места, где можно бы укрепиться на соответствующей позиции. Смотрю, мой помощник, барон фон Тузенпузен, уже сидит в этой самой позиции. Тоже — живот! Я кричу: «А где полковник?» А он отвечает: «На позиции полковник». «На какой?» — спрашиваю. Он говорит с натугой: «На такой самой».

И что же, мой потомочек, факт исторический: всё мое войско заняло эту самую позицию. Не скажу, чтобы они дрались, как орлы, или летали, скажем, как орлы. Но сидели все безусловно орлом. Тут и могло произойти чудо. Ветер-то от нас был. Ну, неприятель и остановился. Но потом снова нас догнали. Мы всю дорогу до самой Риги загадили. Так это у Соловьёва и описано: «Плеттенберг поспешил назад, потому что в полках его открылся кровавый понос, от которого занемог и сам магистр. Сильно загоревали ливонцы, когда узнали о возвращении больного магистра с больной ратью...» [1]. Вот тогда, кажется, русские сложили пословицу: «Не хвались, идучи на рать...»

Так с поносом я и вошёл в историю моего народа, — закончило свой рассказ привидение. — Я вижу, мой потомок, и ты близок к этой славе предков. Так вот я и советую тебе запастись...

— Пошёл к чорту, предок паршивый! — закричал в бешенстве Альфред фон Розенберг — и проснулся.

В окнах брезжил мутный рассвет. Адъютант подавал штаны и говорил:

— Пора бежать, барон...

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

[1] «История России с древнейших времён». Сочинение С. М. Соловьёва. Том I, стр. 1486.

В НОРМАНДИИ

Рис. К. Елисеева

— Ну, теперь Роммель опять нам покажет!

— Что?

— Спину.

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

(У завлитчастью театра)

Рис. И. Семёнова

— Почему у вас ничего не выходит с комедийным репертуаром?
— Боимся, как бы чего не вышло.

ПЕНЗЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

1. ЧАЙ С ГОЛОВАСТИКАМИ

ГОД тому назад на нашей улице начала работать водоразборная колонка. Вода полилась здорово и упорно. Нажмёшь рычаг — идёт, опустишь — остановится. Даже не верилось, что это всерьёз. В первый день сбежалось к колонке много народу, все хотели захватить поближе очередь и тащили всякую посудину. Одна бабушка с Малой Фёдоровки принесла два ведра, бидон и медный самовар.

К самой колонке относились бережно и нажимать рычаг доверяли только опытным людям.

Однажды утром бабушка с Малой Фёдоровки пришла за водой чуть свет. Она нажала на рычаг, но вместо привычного весёлого журчанья внутри трубы послышались хрип, приглушённое шипенье, и, наконец, показалась только мутная капля.

Через пять минут у колонки стояла толпа. Граждане-эксперты дёргали за рычаг, прикладывались к трубе ухом.

— Скоро пойдёт? — нетерпеливо кричали из очереди.

— Скоро, скоро,— успокаивали энтузиасты-ремонтники, изо всех сил бухая по трубе.

Ещё через пять минут прекратилось и шипенье, а рычаг застыл на месте.

— Дави на него! — кричали энтузиасты.— Дави что есть мочи!

Давили. Не помогло.

—

Мы совершенно измучились с водой. Пили и дождевую, и снеговую, и речную, предварительно вылавливая всяких микробов и головастиков специальной сеточкой. Встречаясь с друзьями спрашиваешь не «Как дела?», а «Как вода?»

Несознательные граждане критиковали горисполком, горкомхоз, Водоканал, а сознательные избрали комиссию для доведения воды до потребителя. Комиссии поручили ходить в Водоканал, жаловаться в горисполком, писать письма в редакцию и выполнять всевозможные поручения.

Надняx комиссия отчитывалась в своей годовой деятельности. Работу комиссии признали удовлетворительной. Товарищ, прикреплённый к Водоканалу, сообщил, что он подал 15 заявлений, 6 жалоб, 26 уведомлений и 48 заявок по телефону. Итого — 95. Десятка три постановлений о воде принял за это время Пензенский горисполком. Мы составили ещё одну жестокую резолюцию и пошли пить чай с головастиками.

2. ШАЛОСТИ ВЕТРА

ПО МОСКОВСКОЙ улице торопилась на очередное заседание горсанинспектор Крячко. Погода стояла скверная: ветер, пыль, мусор. И всё это целыми кучами летело в физиономию. Инспектор закрывалась растопыренной ладонью, смотрела сквозь пальцы или совсем закрывала глаза. Вдруг, не ухватилась вовремя моргнуть, как в глаз влетела щепка. Это, конечно, пустяк, а всё-таки неприятно. Говорят, что вытащить занозу инспектору стоило больших хлопот.

Но история из этом не кончилась. Вскоре тов. Крячко вызвала к себе заведующую Южным жилищным управлением Матвееву:

— Московская улица твоя иль не твоя?

— Половина моя, — гордо ответила Матвеева. — А половина Певзнер, из Северного.

— Безобразие! Грязища, мусор. Во вторник мне щепка в глаз попала. Вы думаете наводить порядок или нет?

— Разрешите справочку, — обиделась Матвеева. — У меня целый год никаких строительных материалов. Откуда же тут щепки? Это определённо из Северного.

— Простите, товарищ Матвеева, авария случилась именно в Южном.

— Так точно, товарищ инспектор, я только говорю, что щепки-то из Северного. У меня ни одной пылинки. А в Северном — кучи всякой пакости. Поднялся ветер — и всё летит в мой район. Певзнер радуется: убирать улицы не надо. А я ей говорю: «Не радуйся, Вера Львовна, будет и с нашей стороны ветер».

— Убирать! — строго приказала инспектор. — Вы что? Голову с меня снять хотите? По Московской ходит всякое начальство. Товарищ Павлов, например, наш председатель горисполкома, он разве тоже сквозь пальцы смотреть будет?

После этого разговора домоуправляющий Певзнер получила установку, разыскала дворничиху Семёновну и, сверля её строгим взором, вопросила:

— Ты что делаешь? Через тебя трудящиеся увечья получают! Да что увечья! Тут тиф, грипп, животные болезни могут нагрянуть!

— Стращать всякий может, — веско заявила дворничиха. — За болезни я не отвечаю. И воздух мы чистить не приставлены. У меня на дворе ни одной холеры не найдёшь, а что наверху летают, нас это не касается.

«Справедливо сказано, — подумала управдом. — Ну и ветер! Так и крутит, так и вертит всякую дрянь».

— Лови, лови её!—вдруг кричит управдом.— Вот эту бумагу. Откуда её чорт несёт?

Дворник и управдом хватают бумагу и рассматривают её с видом экспертов.

— Селёдочная, — заключает управдом. — Определённо с рынка. Вишь, куда её занесло! Я говорю, что это не наш мусор.

Певзнер свёртывает вещественное доказательство и кладёт его в карман. А вечером пишет докладную записку о том, что в Южном домоуправлении наведена образцовая чистота, но мусор летит из Северного района. В Северном пишут обратное.

А ветер крутит и вертит городские смерчи. Среди пыли, тряпок, соломы и щепок мелькают обрывки каких-то обязательных распоряжений, утащенных ветром неизвестно из какого района и с какого стола.

Вас. ЮНЕЕВ

г. Пенза.

•

НЕ СПУСКАЯ ГЛАЗ...

НЕДАВНО я стою на трамвайной остановке и вдруг замечаю, что на меня пристально смотрит милиционер. Ну что ж такого, мало ли кто смотрит!

Я гляжу направо, и налево, и вскользь на милиционера. Буквально не спускает глаз! Пожимаю плечом и делаю неспеша двадцать пять шагов по линии, поворачиваюсь и... сталкиваюсь нос к носу с милиционером! Он шёл по пятам!

Рой мыслей поднимается у меня в голове: «Может быть, я перешла улицу поперёк?»

Никогда! С детства приучена ходить везде и всегда вдоль и только вдоль! И никогда, нигде поперёк! Ручаюсь.

«Или у меня в лице что-нибудь подозрительное и я похожа на известного милиционеру карманника?»

Нет и ещё раз нет! Я за своё лицо отвечаю. Самое среднее лицо, каких тысячи. Выражение обыкновенное. Интеллигентность, не бросающаяся в глаза, брови акуратно выщипаны.

А милиционер, как удав кролика, поглощает меня взглядом.

Нет, я женщина нервная, я так больше не могу! Я сейчас подойду и скажу:

— Товарищ милиционер, простите, я больше не буду!

— Что не буду?

Ах, всё равно! Что нельзя, то и не буду.

Но милиционер сам первый снимается с места и медленно приближается ко мне. О моё сердце!

— Гражданка...

Вот оно!

— Гражданка, я извиняюсь, я на вас всё время смотрю...

— Да, да, я вижу!

— ...Я смотрю и никак не пойму, извиняюсь — у вас юбочка расклёшена или в сборочку?

— Что?!

— Я говорю — юбочка? Потому что я хоть и милиционер, но всё же в конечном итоге девушка и этим вопросом сильно интересуюсь...

— Девушка, милая моя девушка! — слёзы благодарности подступают мне к горлу и мешают сказать, что юбка у меня... юбка — расклёшена!..

В. КАРБОВСКАЯ

ОПАСНАЯ МАШИНА

Сцена изображает внутренность трамвая. Вагон движется. Тесно. У двери затор. С трудом втискивается высокий худой гражданин в кепке и с портфелем. При этом он нечаянно толкнул приземистую и толстую гражданку с накрашенными губами.

Гражданка (визгливо): — Осторожнее! Куда прёшься! Не дома!

Гражданин (вежливо): — Я не прусь, а иду. В вагон. Толкнул я вас нечаянно.

Гражданка: — Ишь, барин нашёлся! Взял портфель и на людей прёт!

Гражданин: — При чём здесь мой портфель?

Гражданка: — Что ж, я для тебя людям на головы полезу? Вагон не резиновый! Места ему мало! Дома с женой привык спорить!

Гражданин вытаскивает из бокового кармана какой-то небольшой, странный на вид аппарат и тронул какую-то пружинку...

Голос из аппарата: Ты чего прёшь? Очки нацепила, шляпу надела! Дома с мужем ругайся! По головам, что ли, ходить? Ведьма!

Гражданка: — Плевать я хотела на твою машину! Дурак!

Аппарат: — От дуры слышу! Откуда ты такая взялась?

Все пассажиры и кондуктор громко хохочут.

Гражданка: — А вот я тебе...

Аппарат (перебивая): — Иди, иди, откуда пришла! Хулиганка! Шляпу надела! Губы намазала!

Вагон останавливается.

Кондукторша: — Чистые Пруды!

Гражданин садится на освободившееся место, вынимает газеты и погружается в чтение, продолжая держать в руке аппарат.

Гражданка: — Видала дураков...

Аппарат: — От такой слышу! Шляпу надела! Хулиганка, дура!

Гражданка: — Подумаешь...

Аппарат: — Нахалка! Прёшься, как ломовая лошадь!

Гражданка: — Сам!..

Аппарат: — Губы намазала!

Вагон останавливается. Гражданка выскакивает через переднюю площадку.

Кондукторша (вслед ей): — Осторожно! Не остановка!

Аппарат: — Куда прёшься? На копейку не доехала! Шляпу надела!

Гражданин, видя, что неприятель в панике отступил, останавливает машинку и прячет её в карман.

Один из пассажиров: — Вот это ловко! Что за машинка?

Гражданин. — Обыкновенный аппарат звукозаписи. Зачем же тратить энергию? Я раз навсегда записал на плёнку самые употребительные трамвайные выражения, повторив их подряд по многу раз. Длина плёнки позволяет ей ругаться хоть целый час. Кого хочешь перекричит! Есть отдельные ленты для мужчин и для женщин.

Вагон останавливается.

Кондукторша: — Покровские ворота! Вагон дальше не идёт! Это двадцать третий, а не «А»! Десять раз вам повторять! (Внезапно спохватывается и умолкает, опасливо покосившись на карман, в который гражданин спрятал свой аппарат.)

А. ПАЛЕЙ

КСТАТИ, О СКРОМНОСТИ

Председатель Павловского исполкома районного совета депутатов трудящихся, Алтайского края, Андрей Захарович Трунов,—бесспорно, человек отменных добродетелей, к каковым прежде всего следует отнести его скромность.

Так например для деловой связи с внешним миром Андрей Захарович отпечатал в местной типографии бланки:

Совнарком СССР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Павловского исполкома районного Совета депутатов трудящихся.

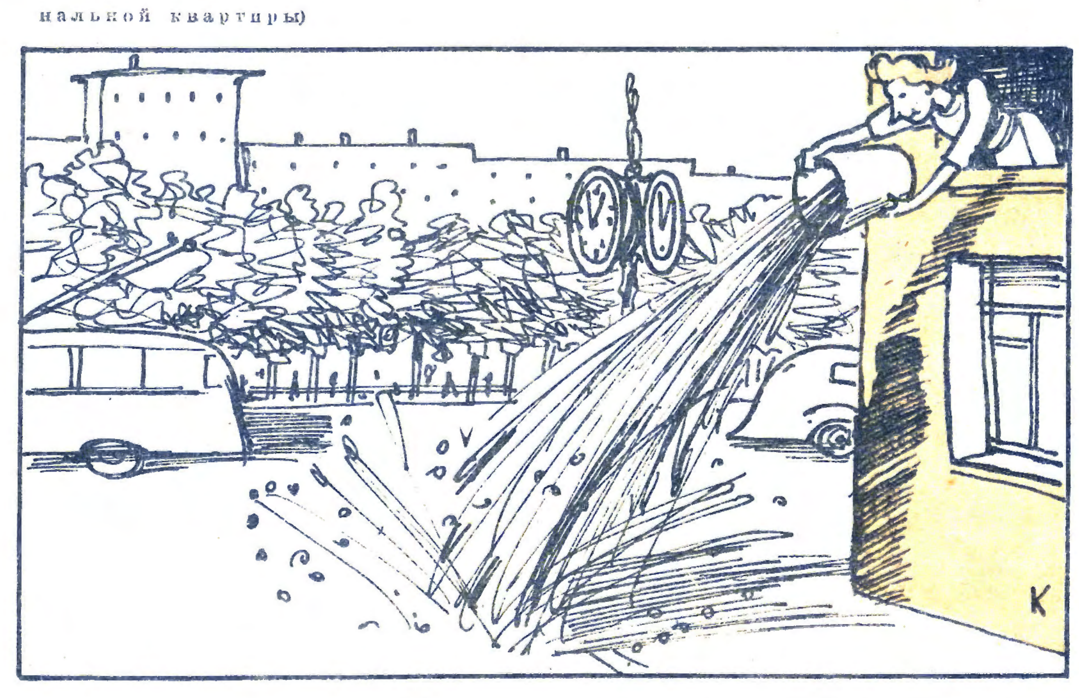
Андрей Захарович ТРУНОВ

Обратите внимание: тов. Трунов подчинён не крайисполкому, а непосредственно Совнаркому Союза. Но чтоб особенно не выпячивать это обстоятельство, велел слова «Совнарком СССР» набрать мелким шрифтом.

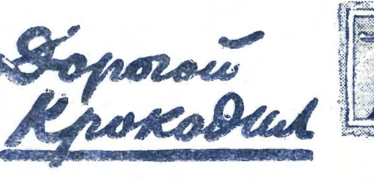
До чего доводит человека излишняя скромность!

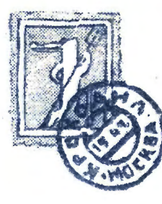
А ЧЕЛОВЕК — МЕСТО

нальной квартиры)

Выносят сор из избы.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

После тяжёлого ранения я вернулся к себе, в Уфу. В доме специалистов, где я проживаю, лопнула канализационная труба и нечистоты пятиэтажного дома полились под мою квартиру.

По поводу канализационной трубы я за семь месяцев обращался в горисполком семь раз; один раз — к заместителю председателя Матюгину; дважды — к другому заместителю, Герасимову; один раз—к секретарю Новикову; трижды—к самому председателю Янтарову (по телефону, лично, письменно); в горком партии — дважды: к заведующему военным отделом Каптилину и к секретарю Киселёву; к начальнику горкомхоза Петровскому — дважды; к инженеру жилуправления Латыпову—дважды; к городскому санинспектору—раз.

Я кавалерист и не привык останавливаться, если на пути моём встречаются препятствия. Но сейчас, после всех безрезультатных лобовых атак, я вынужден обратиться за твоей помощью. Быть может, этим обходным маневром я добьюсь своего: и в доме, наконец, исправят канализационную трубу.

Ш. ГАЙСИН,
гвардии майор

г. Уфа.

Дорогой Крокодил!

Знаешь ли ты поэта Ал. Никитина? Нет, ты не знаешь поэта Ал. Никитина! Знаешь ли ты, что он написал стихотворение «Цветок в воронке», которое недавно было напечатано в костромской газете «Северная правда»? Нет, ты не знаешь всего этого! А знаешь ли ты, наконец, что в этом стихотворении есть четверостишие, которое обессмертит имя поэта? Нет, ты не знаешь и этого!

Так знай! Вот оно, это четверостишие:

«Лишь только снег сошёл с лугов,
И стало солнышко пекчи,
Он тут как тут, всему назло,
Пошёл причудливо цвести».

«Пекчи»! Каково запущено! Думаешь, легко пекчи такие стихи? То-то и оно!

М. СОТНИКОВ.

Кострома.

Уважаемый Крокодил!

Герой Вольтера философ Панглос утверждал, что всё к лучшему. Не огорчайся, мол, если тебя постигнет неудача: могло быть хуже!

На станции Сызрань-I эта философская школа нашла ярых последователей в лице заведующего багажным отделением Ковалёва, вахтёра Каминской и весовщика Вальковой.

Я отправил из Свердловска в Сызрань багажом 9 мест. Вещи благополучно прибыли в Сызрань. Но из 9 мест мне выдали только 8. Чемодан с вещами исчез из пакгауза во время дежурства Каминской и Вальковой.

Заведующий багажным отделением Ковалев успокоил меня: «Благодарите нас и за это. Могли бы и совсем ничего не выдать. У других весь багаж замотали».

И тут я понял, как, по своему недомыслию, я глубоко заблуждался. Выходит, не ругаться я должен, а ходатайствовать перед управлением дороги и НКПС, чтобы работников багажного отделения станции Сызрань премировали за высокий процент сохранности моего багажа, что и намерен сделать через твоё посредство, дорогой Крокодил.

А. ШАШЕК,
главный инженер «Сланцепроекта».

г. Сызрань.

КОСТЕР

Льёт ли дождь, гудит ли
ветер,
Стужа ль зимняя остра,
Невозможно жить на свете
Без хорошего костра.

Без него, как говорится,
Даже в тихом шалаше
Не сидится, не лежится
И тоскливо на душе.

А нарубишь дров посуше,
Поднесёшь под них огня —
И... оттаивают души
У тебя и у меня.

Я и ты достали кружки
Вместе с сахарным пайком.
Стойте, ушки на макушке, —
Позабавимся чайком.

Ну-ка, друг, наляжем оба,
Ай-да чай, во рту дерёт!
Ярославским водохлёбам
Сто очков даём вперёд!

Ходит сон, усталых ищет,
Отдыхать давно пора.
Подложи, товарищ, пищи
Для походного костра.

В эти крайние минуты
Поглядишь по сторонам:
«Фу ты, ну ты, ножки
гнуты...»
Баянист, сыграй-ка нам!

Как затопают, замашут
Плясуны вокруг огня!..
Сам костёр отважно пляшет,
Словно парень без ремня...

Ты с Камчатки, мы с Урала,
С Волги, Дона и Днепра...
Нас отечество собрало
Возле этого костра!

Будет время: сняв подсумки,
Мы вернёмся в дом родной,
До краёв наполним рюмки
И осушим по одной.

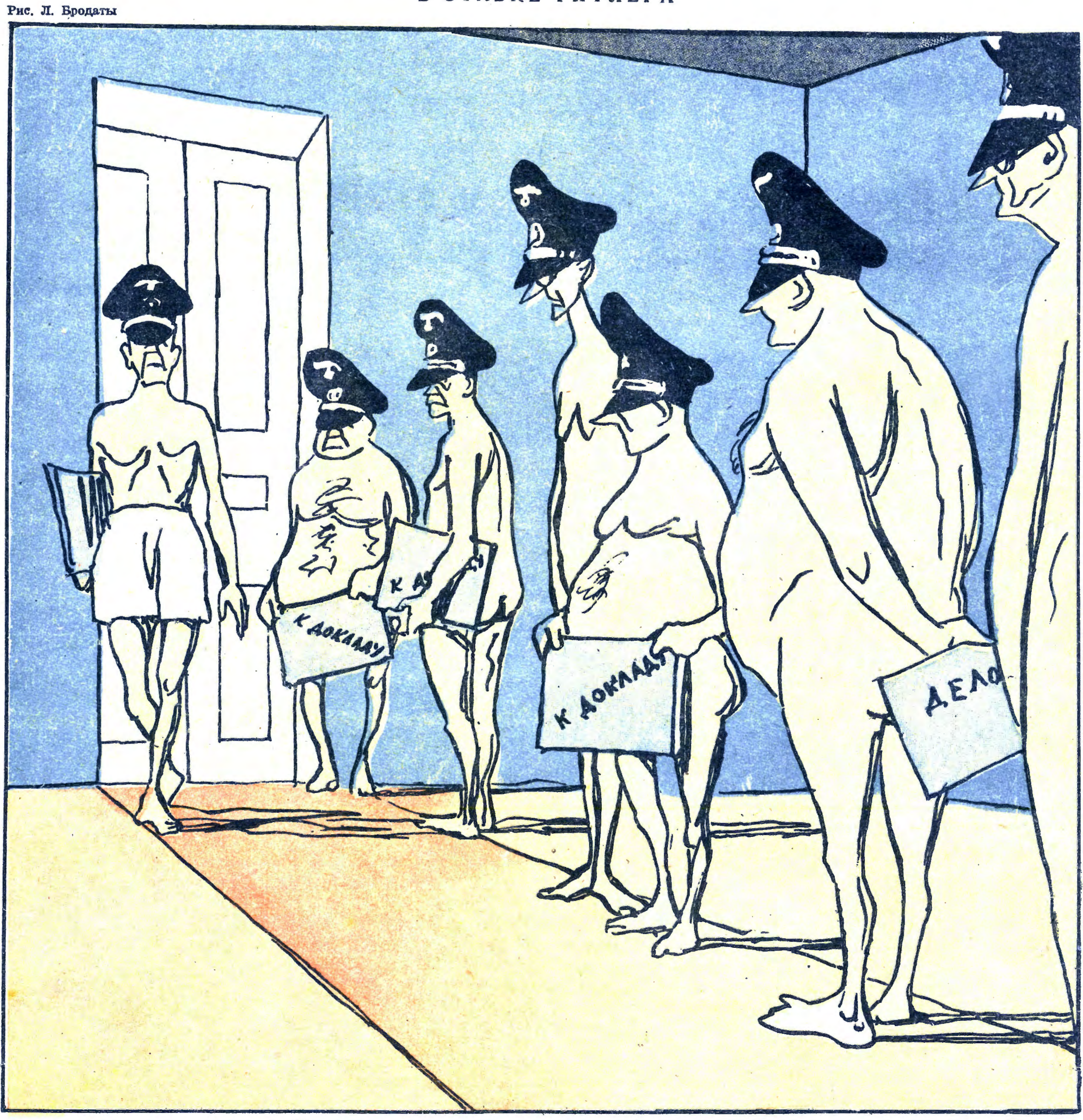
За победу, за служивых,
За того, кто есть герой...
А за то, что оба живы, —
Опорожним по второй!

А когда нальём по третьей, —
Выпьем, с криками «ура»
За тепло на белом свете
От солдатского костра!

Сергей СМИРНОВ,
гвардии рядовой
Действующая армия.

В СТАВКЕ ГИТЛЕРА

Рис. Л. Бродаты

— Нас заставили раздеться догола, чтобы мы не могли пронести адскую машину. А почему же генерал фон Метц в трусиках?

— О, он ещё пользуется некоторым доверием фюрера!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды"; 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 руб. 60 коп. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 509. Подп. к печати 14/VIII 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000
А 5235. Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1838. Тираж — 100 000 экз.